

ПРОБЛЕМИ ГРАМАТИКИ ТА СИНТАКСИСУ

УДК 821.111+ 802.0

ЭМФАТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Жужгина-Аллахвердян Т. Н.

У статті розглядаються особливості функціонування інверсії як емпатичного засобу у синтаксичній структурі ліричного тексту та дискурсу на прикладі англійської та французької поезії та прози; вивчається проблема ліричного інтонуювання фрази і висловлювання з урахуванням основних підходів до вивчення емплази у дослідженнях з граматики, комунікативно-когнітивної лінгвістики, стилістики.

Ключові слова: емплаза, експресивний синтаксис, інверсія, інтонуювання, ліричний текст та дискурс.

В статье рассматриваются особенности функционирования инверсии как эмпатического средства в синтаксической структуре лирического текста и дискурса на примерах из английской и французской поэзии и прозы; изучается проблема лирического интонирования фразы и высказывания с учетом основных подходов в изучении эмплазы в грамматике, коммуникативно-когнитивной лингвистике, стилистике.

Ключевые слова: эмплаза, экспрессивный синтаксис, инверсия, интонирование, лирический текст и дискурс.

The present paper is devoted to peculiarities of emphatic inversion functioning in the syntactic structure of the lyrical text and discourse from English and French poetry and prose; to the analysis of emphatic accent characteristics and lyrical intonation phrases, the main approaches in grammar, stylistics, communicative and cognitive linguistics.

Key words: emphasis, syntax, inversion, intonation, lyrical, text and discourse.

Со второй половины XX века и особенно его последней трети эмплаза оказалась в центре исследовательского внимания филологов и рассматривалась преимущественно как риторическое, просодическое, стилистическое, коммуникативно-когнитивное и синтаксическое явление. Эмплаза как средство экспрессивного интонирования высказывания становится предметом исследований из разных областей языкознания – грамматики [2; 3], в том числе, проблематики экспрессивно-синтаксического построения фразы и текста [3; 4], коммуникативной [5] и когнитивной лингвистики [6], стилістики [7; 15] и фонологии [8; 9]. Немало работ посвящены способам выражения экспрессии и эмпатическим средствам в различных языках [3; 4; 10; 11; 12], выявлению конкретных жанровых, языковых, культурных и психологических детерминантов процесса перевода [13, с. 454]. В последнее время эмплаза все чаще становится предметом междисциплинарных, текстологических и дискурсивных исследований, в которых так или иначе отмечается значение экспрессивных средств и выразительного интонирования в формировании лиризма и лирического дискурса. При этом термин "эмплаза" зачастую не употребляется и само явление эмплазы остается на периферии исследования в общем ряду просодических, риторических и стилистических средств [1, с. 120].

В нашей статье внимание сосредоточено на эмпатической инверсии и некоторых особенностях ее функционирования в собственно лирическом тексте. Как известно, лиризм является необходимой компонентой тех разновидностей дискурса, которые требуют аффективной напряженности, особой выразительности, торжественности, чувствительности и проникновенности, чему в немалой степени способствуют разнообразные эмпатические эффекты и конструкции [14, с. 43].

Синтаксис лирического текста значительно отличается от нейтрального, привычного, общеупотребительного синтаксиса, прежде всего, обилием экспрессивных инвертированных конструкций и "свободным варьированием", возможностью по-

разному членить текст одного содержания" [3, с. 11]. Инверсия (перестановка слов в предложении) является характерной особенностью экспрессивно-аффективного синтаксиса, как его в свое время сформулировал и представил Шарль Балли [15], и необходима, прежде всего, для интонационного и структурного выделения в лирическом тексте ключевых слов и выражений, расстановки логико-смыслового ударения, подчеркивания некой авторской идеи, фиксирования эмотивной коннотации слов и выражений, их дополнительных лирических значений. При этом инверсия может усиливаться разнообразными тропами и стилистическими фигурами, чаще всего повтором, антитезой, сравнением, смысловым и синтаксическим параллелизмом, парентезами.

Последние десятилетия отмечены появлением научных работ, в которых исследуется сходство и различия национальных языков, особенностей и трудностей перевода текстов на родной язык. В этой связи неизменно встает вопрос о природе и способах передачи средствами родного языка эмфатических и инвертированных фраз и структур, о соотношении эмфатического построения с нейтральным, о специфике порядка слов и его связи с синтаксической эмфазой [16].

В практической грамматике обычно высказывается традиционный взгляд на эмфазу и инверсию в эмфатической фразе. Так французский лингвист Ж. Нике называет "эмфатическим" то предложение, в котором разными способами выделяется один или несколько членов предложения [17, с. 41]. В ряду эмфатических синтаксических способов построения связей между членами предложения грамматист различает перемещение (*deplacement*), отсоединение и обособление (*detachment*), замещение (*substitution*), галицизм (*gallicisme*) [17, с. 41 – 44]. Собственно инверсией названа перестановка (*deplacement*), в которой главным компонентом является подлежащее:

Arrive alors un personnage extraordinaire

(обычный порядок: *Un personnage extraordinaire arrive alors*) [17, с. 41].

В стилистике прослеживается более сложный подход к инверсии. Автор "Очерков по стилистике английского языка" И. Р. Гальперин отметил: "... стилистическая функция инверсии иногда не может быть выявлена только взаимоположением частей предложения, хотя именно это взаимоположение частей и подсказывает особый оттенок значения всего высказывания" [7, с. 186]. В результате исследования инверсии в английских художественных текстах Гальперин приходит к важным для нас выводам о том, что поэтические произведения содержат "значительно большее количество типов инверсии", чем прозаические, однако, в поэзии требование рифмы и ритмической организации стиха часто порождают ритмико-эвфоническую инверсию, хотя в "подлинно художественном произведении использование инверсии всегда мотивировано целью высказывания", которая "всегда остается ведущей" [7, с. 187]. Хотя и в прозе "инверсия нередко придает особое ритмическое звучание предложению", но "в отличие от поэтических произведений, в прозе не ритм вызывает инверсию, а инверсия, мотивированная целью высказывания, может придать ритм предложению" [7, с. 187]. Исследователь стилистики, в отличие от грамматистов, сближает инверсию и обособление, отметив их сходство по структурно-синтаксическому и стилистически-смысловому признакам [7, с. 192].

Автор "Сопоставительной стилистики" А.Я. Алексеев определяет инверсию как стилистическую фигуру, которая означает "перемещение слова или группы слов синтаксической структуры в начало или в конец фразы (высказывания)" [1, с. 272]. Ученый обращает внимание на то, что инверсия проявляется "на фоне нормированной синтаксической структуры высказывания", при этом инвертированное высказывание "становится эмоционально и экспрессивно окрашенным" только в случае отклонения от синтаксической нормы" [1, с. 273]. Таким образом, А. Я. Алексеев называет инверсией всякую перестановку слов в предложении, которая выходит за рамки грамматической нормы и при этом является эмоционально окрашенной. Фактически речь идет о синтаксических разновидностях эмфазы – понятия более широкого, чем экспрессивная (эмфатическая) инверсия.

По мнению грамматиста О. В. Александровой в стихотворном тексте, представлены "две различные активно взаимодействующие просодические системы выражения": логико-синтаксическая, в чистом виде проявленная в прозаической речи, и ритмико-экспрессивная, находящаяся в "своеобразном противоречии с

первой", но "их диалектическое противоборство несет четкую художественно-выразительную функцию, а их сложные соотношения лежат в основе собственно эстетической природы стиха" [3, с. 11]. Заметим, что эти важные выводы о значении эмфатической инверсии в экспрессивно маркированном тексте можно отнести и к другим европейским языкам, с учетом их национальной специфики и структурно-синтаксических особенностей.

Во французском лирическом тексте наблюдаются сходные явления, что неслучайно, так как прямой порядок слов в предложении, как и в английском языке, является в нем грамматической нормой. Эмфатическая инверсия во французском лирическом дискурсе связана с интонированием отдельных членов предложения, возможностью "свободного" синтактико-стилистического построения предложения, его расчленения по воле автора, в соответствии с идейно-художественным замыслом и индивидуальным стилем, самой подвижностью эмфатического ударения, его соотношением с "акцентным выделением различных интенсификаторов, целью которых является усиление значений других лексических единиц" [9, с. 96]. Наиболее часто во французском лирическом дискурсе встречаются следующие виды эмфатической инверсии:

1. Инверсия подлежащего и сказуемого с интонационным и синтаксическим выделением личного местоимения, например:

- *Et moi, comment pourrais-je me pardonner?* (А. де Виньи: Стелло).

2. Интонационное акцентирование прямого дополнения с выдвиганием его на первое место в предложении при обязательной инверсии подлежащего и сказуемого:

- *Voilà ce qu'ont chanté les filles d'Israël,*

Et leurs pleurs ont coulé sur l'herbe du Carmel... (А. де Виньи: Дочь Иевфая).

3. Косвенное дополнение, в том числе усложненное придаточным определительным, которое находится в ударной позиции в начале фразы:

- *A elles il adresse son poème, et s'écrit...* (А. де Виньи: Стелло).

- *A l'hymne universel que le désert répète*

Se mêle en longs éclats le son de la trompette... (А. де Виньи: Дочь Иевфая). В этом случае эмфатическая акцентуация дополнения сопровождается перестановкой подлежащего и сказуемого.

- *Sur l'habit dont la pourpre a peint l'ample velours*

L'empereur a jeté la lourde peau d'un ours (А. де Виньи: Снег). Здесь дополнение в эмфатической позиции усложнено придаточным определительным.

4. Косвенное дополнение (выделено жирным курсивом), стоящее перед сказуемым в середине предложения при его расчленении и нарушении привычной связи сказуемого и подлежащего (подчеркнуто), усиленного определительным придаточным предложением (выделено курсивом):

- *Et l'obscur Ennemi qui nous ronge le coeur*

Du sang que nous perdons croît et se fortifie ! (Ш. Бодлер: Врар)

5. Определение в эмфатической позиции, выраженное одним или несколькими прилагательными:

- *...Seul, un rugissement a trahi leur étreinte* (Ж. М. де Эредиа: Немея).

- *Mais le sombre vainqueur marche en baissant la tête;*

Sourd à ce bruit de gloire, et seul, silencieux

Tout à coup il s'arrête, il a fermé ses yeux... (А. де Виньи: Дочь Иевфая).

В следующем примере за акцентированным определением (выделено жирным курсивом), выраженным прилагательным и усиленным наречием, стоит акцентированное обстоятельство места (выделено курсивом):

- ***Avidement courbé, sur le sombre vitrage***

Ses soupirs inquiets impriment un nuage (А. де Виньи: Снег).

6. Акцентуация обстоятельства, стоящего в начале предложения. При этом подлежащее может быть перенесено на последнее место, которое также является эмфатической позицией:

А) обстоятельство места

- ***Au banquet de la vie** infortuné convive...* (А. де Виньи: Элоа).

- ***Derrière les vitraux dont l'azur le protège,***

Le Roi pourtant regarde et voudrait ne pas voir... (А. де Виньи: Снег).

- Or, **du fond de la nuit**, nous témoignons encore
De la splendeur du jour et de tous ses présents (Р. Деснос: Завтра).
- ... **De Palos de Moguer**, routiers et capitaines
Partaient, ivres d'un rêve héroïque et brutal (Ж. М. де Эредиа: Завоеватели).
- Ils regardaient monter en un ciel ignoré

Du fond de l'Océan des étoiles nouvelles (Ж. М. де Эредиа: Завоеватели).

Эмфатические перестановки, нарушение привычного порядка слов в предложении, его расчленение замедляют ритм сонета Ж. М. де Эредиа и придают стиху особую напевность, мелодичность, задают мечтательное настроение, способствуют погружению в далекую историю завоевания Америки конкистадорами, реконструируют в памяти давно прошедшие события, полные опасности и героизма. Эту поэтическую тональность Эредиа исследователи определили как "средство от утраты времени" (*remède à l'usure du temps*) [19, с. 281].

Б) обстоятельство времени, выраженное отрицательным наречием, вынесено на первое место в предложении, чтобы подчеркнуть безнадежность действия:

Jamais on ne lui avait dit autre chose en commençant, et il en avait assez, sachant que la fin était toujours la même (А. де Виньи: Стелло).

В) обстоятельство времени, выраженное наречием времени, усиленное обстоятельством цели, вынесено на первое место в предложении:

Souvent, pour s'amuser, les hommes d'équipage

Prennent des albatros, vastes oiseaux des mers (Ш. Бодлер: Альбатрос).

Эмфатическое интонирование обстоятельства в эмфатической позиции, в самом начале первой строки стихотворения, сразу же расставляет нужные акценты, подчеркивая отрицательное отношение автора к происходящему и подготавливая читателя к описанию развлечений матросов, потешающихся над свобододолюбивой птицей. Поэт наделяет денотат дополнительными лирическими коннотациями, превращая альбатроса в символ, за которым стоит "двойственная навязчивая идея" (*obsession*) [19, с. 277] о моральном и физическом страдании попавшего в плен свобододолюбивого существа и о поэтическом идеале, порыве поэта к прекрасному.

В этом смысле примечательно стихотворение Джона Китса "О яркая звезда!", представляющее с синтактико-эмфатической точки зрения ярко выраженную эмотивно интонированную инверсию с обширной, развернутой метафорической парентезой, введенной по принципу антитезы (выделено курсивом):

Bright star, would I were steadfast as thou art –

Not in lone splendour hung aloft the night

And watching, with eternal lids apart,

Like Nature's patient, sleepless Eremite,

The moving waters at their priestlike task

Of pure ablution round earth's human shores,

Or gazing on the new soft-fallen mask

Of snow upon the mountains and the moors –

No – yet still steadfast, still unchangeable,

Pillow'd upon my fair love's ripening breast,

To feel for ever its soft swell and fall,

Awake for ever in a sweet unrest,

To feel for ever its soft swell and fall,

Awake for ever in a sweet unrest,

Still, still to hear her tender-taken breath,

And so live ever – or else swoon to death.

О яркая звезда! Когда бы я, как ты,
Владел искусством видеть, но не с высоты
В ночи блистать бессонным вечным взором
И, как отшельник, созерцать просторы,
Взирать на бег воды, чей долг святой
Очистить берега, омыть весь шар земной,
На горы в шапках снежных зимнею порой
Глядеть и на покров равнин густой, –
Когда бы вечен был я в созерцании,

Хотел бы, как подушка у возлюбленной груди
 Лежать и чувствовать их набухание,
 Проснувшись, видеть: нет ее милей,
 Все слушать, слушать мягкое дыхание
 И замереть навеки рядом с ней (перевод Т. Жужгиной-Аллахвердян).

Антитетическое сравнение лирического героя с яркой звездой (из семи строк) расчленяет предложение-период и вместе с определением "yet still steadfast, still unchangeable", следующим за парентезой, усиливает эффект эмфазы, предвзято описывая любовного томления и расшифровку изначальной авторской интенции, выраженной в первой строке стихотворения с помощью инвертированной конструкции "would I were steadfast".

В статье приведены лишь некоторые случаи эмфатической инверсии, которые чаще всего встречаются в лирических текстах, способствуя созданию торжественно-приподнятой интонации и особой ритмической организации, порой придавая дискурсу возвышенно-архаизированный смысл. Однако и в лирическом тексте инверсия не всегда экспрессивно маркирована. Приведем пример нейтральной инверсии в лирическом тексте, которая является грамматической нормой французского языка и не обязательно должна быть окрашена эмотивно:

*A peine les ont-ils déposés sur les planches,
 Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux,
 Laissent piteusement leurs grandes ailes blanches
 Comme des avirons trainer à coté d'eux* (Ш. Бодлер: Альбатрос).

В первой строке этого фрагмента перестановка подлежащего и сказуемого соответствует правилам инвертирования после наречия *à peine*; в этом случае инверсия обычно лишена эмоциональной нагрузки.

Как показало текстуальное исследование, лирический дискурс отличается эмфатической насыщенностью и эмоциональной напряженностью, эмотивной когнитивностью и экспрессивным интонированием реплик, описаний и др. текстуальных структур, разнообразием способов выделения и акцентуации мысли, выражения оттенков чувств, аффектов, в том числе, в яркой фигуральной форме. В рамках небольшой статьи можно заключить, что интонационно и синтаксически акцентированная инверсия занимает важное место в ряду эмфатических средств и приемов лиризации текста, его ритмико-синтаксической структуры и, как один из коммуникативно-когнитивных детерминантов и экспрессивных маркеров поэтического дискурса, способствует реализации авторских интенций, придавая произведению особый смысл и нужную тональность.

Литература

1. Алексеев А. Я. Сопоставительная стилистика / А. Я. Алексеев. – Дн-вск: изд-во НГУ, 2012. – 174 с.
2. Арутюнова Н. Д. Синтаксическая эмфаза в испанском языке в сравнении с другими романскими языками / Н. Д. Арутюнова // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. – М.: Наука, 1966. – С. 3 – 23.
3. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О. В. Александрова. – М.: Высш. шк., 1984. – 212 с.
4. Зеликов М. В. Синтаксическая эмфаза в испанском языке: Учебное пособие. / М. В. Зеликов. – Л.: ЛГПИ, 1987. – 83 с.; его же: Типологические и субстратные параллели к синтаксической эмфазе в испанском языке / М. В. Зеликов // Известия Академии наук. – Т. 48. – № 4. – 1989. – С. 351–364; его же: Вопросы статуса и функционирования составляющих парадигмы моделей синтаксической эмфазы в западноевропейских языках / М. В. Зеликов // Язык и текст: Сб. науч. ст. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистич. ун-т, 2006. – С. 50 – 58.
5. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгогр. пед. ин-т, 1990. – 167с.
6. Армеева А. Р. Когнитивная категория выделенности и ее языковые корреляты: автореф. канд. филол. наук. – М, 2001. – 26 с.
7. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.

8. Романов Д. А. Ритм в эмфазе и способы ритмической организации ораторской речи / Д. А. Романов // Русский язык в школе. – 2004. – N 5. – С. 92–97.
9. Макарова Е.Н. Интонационные характеристики эмфатической речи: к проблеме испано-английской интерференции / Е. Н. Макарова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. Вып. № 2 / 2012. – С. 95– 98.
10. Левицкая Т. О некоторых способах выражения эмфазы в английском языке / Т. Левицкая, А. Фитерман // Тетради переводчика. – М.: Международные отношения.
11. Иванов Н. В. Способы усиления экспрессии в сверхфразовом единстве и в высказывании (на материале сопоставления португальских и русских текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 22 с.
12. Кузнецова И. Н. Эмфатическое и тема-рематическое членение фразы во французском языке в сопоставлении с русским языком / И. Н. Кузнецова, К. И. Курбанова // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. – 2014. – № 6. – С. 67–17.
13. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: Международные отношения. – 1996. – 216 с.
14. Жужгина-Аллахвердян Т. Н. Эмфаза и эмфатические конструкции во французском лирико-философском дискурсе (на материале романа А. де Виньи "Стелло") / Т. Н. Жужгина-Аллахвердян // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 1. – С. 43–47.
15. Bally Ch. *Traité de stylistique française*. Troisième édition / Ch. Bally. – 2. vol. – P.: Klincksieck, 1951.
16. Калустова О. М. Явление синтаксической эмфазы в современном испанском языке: автореф. канд. филол. наук. – Киев, 1984. –195 с.
17. Niquet G. *Grammaire des colleges* / G. Niquet, R. Coulon, L. Varlet, J.-P. Beck. – P.:Hatier, 1988. – 320 p.
18. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. – М.: Высшая школа, 1975. – 156 с.
19. *Littérature. Textes et méthodes* / sous la direction d' Héléne Sabbah. – P.: Hatier, 1993. – 464 p.
20. *Dictionnaire de la langue française*. – P.: Edition de la Connaissance, 1995. – 511 p.
21. Crystal D. *The Cambridge encyclopedia of the english language* / D. Crystal. – Cambridge university press, 1995. – 489 p.